СОДЕРЖАНИЕ

Сокращения . . . 8

Благодарности . . . 10

Введение . . . 16

- Тема и предмет исследования . . . 16
- Понятия и подход . . . 28
- Историография . . . 36
- Источники . . . 49
- Периодизация и структура . . . 55
- Транслитерация и орфография . . . 59

Глава 1. Интеллигенция, официальная и неподцензурная печать: Предыстория . . . 62

- В тени Октябрьской революции . . . 78
- Печать в советской Беларуси . . . 80
- Интеллигенция в Западной Беларуси . . . 85
- Вторая мировая война . . . 90

Глава 2. От Пражской весны до «Осени народов»: 1968–1988 годы . . . 95

- Итоги хрущевской оттепели . . . 95
- Жертвы и выжившие в ГУЛАГе . . . 104
- Под руководством героя-партизана . . . 107
- Новая послевоенная интеллигенция . . . 114
- Сворачивание оттепели . . . 120
- Реакции на Пражскую весну . . . 125
- Противоречивые 1970-е . . . 134
- Интеллигенция и религия . . . 139
- На пути к перестройке . . . 147
- «Виленский вопрос» . . . 157
- Интеллигенция и интеллектуалы . . . 160

Глава 3. Портреты и дискурсы . . . 164

- Трудности определения . . . 164
  - *Функционер на службе у диссидентов: Максим Танк* . . . 165
  - *На пересечении культур: Валентин Та́рас* . . . 169
- Сопротивление индивидов . . . 171
  - *В поисках правды: Василь Быков* . . . 171
  - *Возвращение истории: Владимир Короткевич* . . . 185
  - *Бесприютная интеллигенция: Лариса Геniюш* . . . 197
- Неформальные молодежные объединения . . . 206
  - *«Майстроўня»* . . . 206
  - *«Тутэйшыя»* . . . 208

Глава 4. Самиздат и тамиздат: практики и тексты . . . 218
Долгая история самиздата . . . 218
Самиздат: охват и география распространения . . . 221
Происхождение идей . . . 229
Цензура и препоны . . . 233
Технологии производства и распространения . . . 236
Идеи и тексты . . . 241
Вызов советской историографии: «По следам одного мифа» . . . 241
Первая политическая программа: «Положение в Белоруси» . . . 251
Критика писательского цеха: «Сказ о Лысой горе» . . . 257
Самиздатовские журналы 1970-х: «Блакітны ліхтар», «Мілавіца», «Гутаркі» . . . 264
Самиздатовские журналы 1980-х: «Люстра дзён» . . . 271
Тамиздат . . . 275
Восстание системного коммуниста: «Письмо русскому другу» . . . 275
О роли языка в позднесоциалистическом обществе: философский трактат «Родной язык и морально-эстетический прогресс» . . . 279
Официальные издания периода перестройки . . . 282

Глава 5. Интеллигенция и вызовы современности . . . 290
Национализм и антисемитизм . . . 290
Вызовы ядерного века . . . 302

Заключение . . . 310
Истоки инакомыслия . . . 310
Беларусская интеллигенция: коллективный портрет на фоне эпохи . . . 313
Как возможно сопротивление? . . . 319
Перспективы . . . 320
Неподцензурная печать и интеллигенция после 1988 года . . . 322

Приложения

Таблица 1. Публикации произведений беларусских авторов в журнале «Новый мир» в 1965–1972 годах . . . 327

Таблица 2. Самиздатовская периодика, издававшаяся в БССР в 1968–1988 годах . . . 330

Таблица 3. Непериодический самиздат в БССР в 1968–1988 годах . . . 336

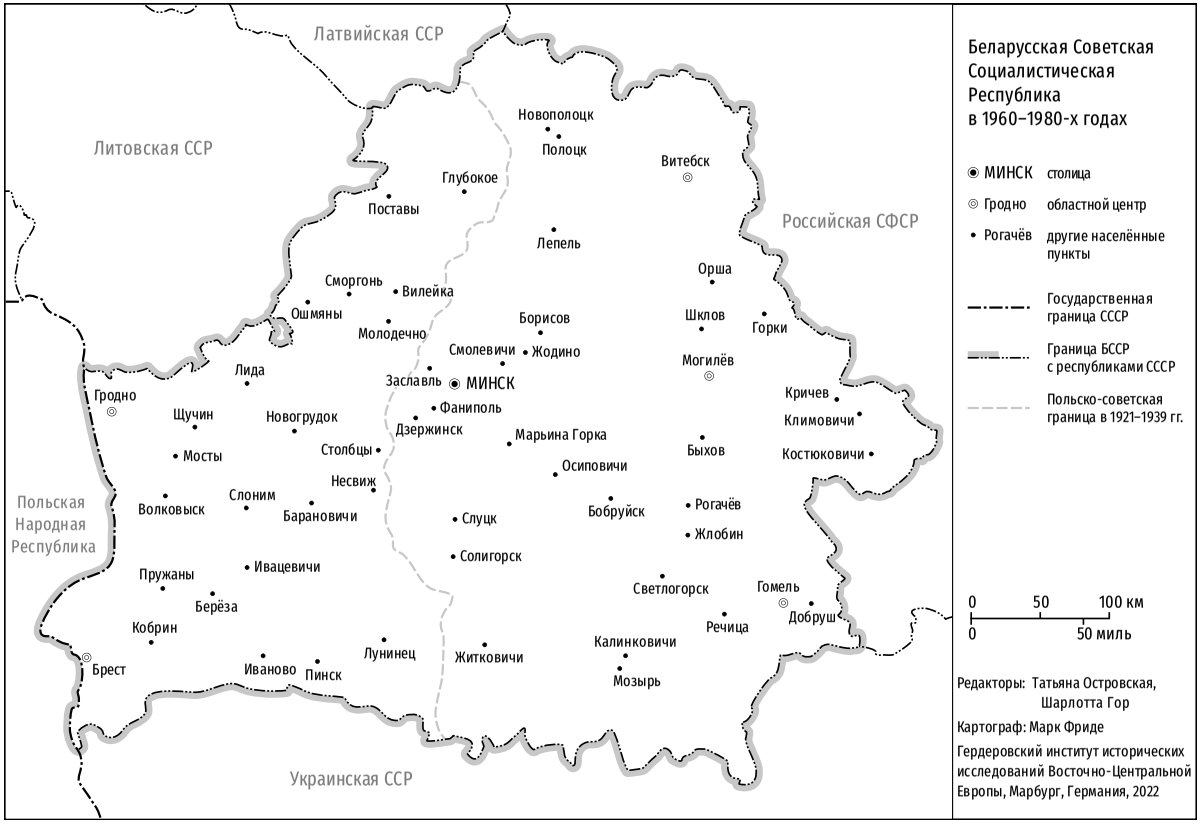
Таблица 4. Беларусский тамиздат в 1965–1988 годах . . . 337

Таблица 5. Беларусская интеллигенция в 1968–1988 годах: происхождение, образование, награды . . . 338

Диаграммы . . . 349

Источники и библиография . . . 352

Указатель имен . . . 381

Карта 1. Беларусская Советская Социалистическая Республика в 1960–1980-х годах

ВВЕДЕНИЕ

Тема и предмет исследования

Беларусская Советская Социалистическая Республика (БССР) «считается республикой, где национальные чувства слабы, а русификация достигла наибольших успехов», — отмечал в разгар перестройки один из современников, комментатор Радио «Свобода»[1]. Культурное развитие республики, а тем более альтернативные идеи и интеллектуальные дискуссии эпохи позднего социализма до сих пор привлекали мало внимания. В еще большей степени это относится к феномену неподцензурной издательской деятельности — так называемому «самиздату», который до сих пор редко ассоциировался с советской Беларусью.

Постсоветское политическое развитие страны и ее экономическая нестабильность часто отбрасывают тень на ее прежние демократические амбиции и интеллектуальные достижения. Установление популистского авторитарного режима в 1994 году зачастую объяснялось слабостью национальных чувств и недостатком демократических устремлений[2]. Подобным образом краткосрочные попытки беларусского общества в период распада СССР и сразу после него обратиться к демократическому

---

[1] «Радио Свобода» включено Минюстом РФ в реестр иностранных агентов, Radio Free Europe / Radio Liberty (RFE/RL) признана нежелательной организацией на территории РФ.

[2] См., например: *Ioffe G.* Understanding Belarus: Economy and Political Landscape // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56. № 1. P. 112; *Радзік Р.* Беларусы на фоне нацыятворчых працэсаў у грамадствах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы // Беларускі гістарычны агляд. 2011. Т. 18. № 1–2. С. 121. Рышард Радзик в этой работе считает, что беларусское национальное движение конца 1980-х — начала 1990-х годов по большему счету было попыткой копировать старые европейские образцы национальной мобилизации.

пути и несоветскому прошлому зачастую объяснялись как результат внешнего давления, а не изменений внутри самого общества[1].

Интеллектуальная оппозиция и культурное инакомыслие занимают важное место в истории Советского Союза, и Беларусь тоже нуждается в такой истории. Переосмысление практик культурного сопротивления в советской Беларуси необходимо само по себе, но оно также позволяет лучше понять политическое и культурное развитие страны в постсоциалистический период[2].

Несомненно, до 1987–1988 годов открытые протесты в среде беларусской интеллигенции случались нечасто, а количество публикаций в неподцензурном самиздате и заграничном тамиздате было не очень велико по сравнению с советской Россией, Польской Народной Республикой или Чехословакией. Но в послевоенной советской Беларуси жили и работали такие выдающиеся интеллектуалы, как Василь Быков (Васіль Быкаў, 1924–2003)[3], один из лучших военных прозаиков этого

---

[1] *Rudling P. A.* The Rise and Fall of Belarusian Nationalism 1906–1931. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2015. P. 2, 31.

[2] В последнее время как общественное мнение, так и научное сообщество стали выступать против общепринятой прежде точки зрения, будто независимость и демократические перемены начала 1990-х просто «свалились на беларусов с неба». См., например, фильм, снятый агентством новостей «Бела-ПАН»: *Мартынов Д. (режиссер).* «Независимость» Беларуси. Подарок с неба. http://naviny.by/article/20160825/1472108314-dokumentalnyy-film-nezavisimost-belarusi-podarok-s-neba (дата обращения 4 февраля 2024). В 2016 году по случаю двадцать пятой годовщины распада СССР журналистка Радио «Свобода» (включено Минюстом РФ в реестр иностранных агентов) Ганна Соусь взяла ряд интервью у свидетелей и непосредственных участников провозглашения независимости Беларуси. Интервьюируемых также спрашивали, хотел ли беларусский народ независимости, провозгласили ли ее случайно и против их воли. См.: Пасля СССР. 25 гадоў незалежнасці. Радыё «Свабода», 2016. В конце 1990-х и начале 2000-х годов, когда А. Лукашенко сделал шаги к интеграции с Российской Федерацией, факт обретения Беларусью независимости оценивался гораздо пессимистичнее. Ср.: *Мірановіч Я.* Спробы ажыццяўлення ідэі Беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці ў XX ст. // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства: матэрыялы III міжнароднага кангрэса беларусістаў / Рэд. В. Скалабан і інш. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. С. 145. Следует признать, однако, что одним из побочных результатов усилий установившегося политического режима стало укрепление коллективной идентичности беларусов.

[3] Здесь и далее: в скобках приводится оригинальная беларусская версия написания имен. Для городов — современное название.

времени; Алесь Адамович (Алесь Адамовіч, 1927–1994), бескомпромиссный активист антивоенного и антиядерного движения; Лариса Гениюш (Ларыса Геніюш, 1910–1983) — поэтесса, узница сталинского ГУЛАГа и автор уникальных (и все еще малоизученных) неподцензурных воспоминаний; Зенон Позняк (Зянон Пазьняк, р. 1944), историк искусства и радикальный антисоветский мыслитель, выступивший за независимость Беларуси уже в 1974 году. Даже в широком и разнообразном контексте восточно- и центральноевропейского нонконформизма все они представляют собой исключительно интересные примеры для изучения.

В случае с БССР сложно однозначно разделить интеллектуалов на враждебные лагеря конформистов и коллаборантов, «борцов с режимом» и «приспособленцев», функционеров Коммунистической партии и противников партийной монополии, приверженцев русификации и «национально сознательных». Напротив, эти как будто противоположные роли сосуществовали, представляя примеры чуть ли не всех возможных комбинаций внутри узкой группы нонконформистской интеллигенции сравнительно небольшой восточноевропейской нации численностью в десять миллионов человек. Например, Максим Танк, талантливый поэт и активист Коммунистической партии Западной Беларуси (Камуністычная партыя Заходняй Беларусі, КПЗБ), стал партийным функционером высокого ранга; в то же время он придерживался высоких моральных стандартов, поддерживал своих репрессированных коллег, в том числе Ларису Гениюш, поэтессу с последовательно антисоветской позицией. Другой поэт, тоже коммунист и партократ, Нил Гилевич (1931–2016), был одним из самых пламенных защитников белорусского языка в послевоенный период. В 1970-х годах он написал смелую самиздатовскую поэму, где высмеял отношения между государством и интеллигенцией. При этом самиздатовские и тамиздатовские тексты не только призывали к свободе и демократическим переменам, но и могли требовать возврата к ленинским идеям, обвинять русских демократов или демонстрировать антисемитизм.

Нечеткие, не всегда определенные границы между приспособленчеством и сопротивлением могут показаться характерными

именно для беларусской интеллигенции, но и другие страны социалистического блока дают множество подобных примеров[1]. Учитывая этот факт, мы можем изучать инакомыслие не как простой набор протестных действий и идей, а как процесс принятия решений и переговоров, встроенный в систему отношений не только между интеллектуалами и властью, но и между разными группами интеллектуалов. К тому же для понимания феномена культурного сопротивления важен и уникальный жизненный опыт, комплекс идей и представлений каждого отдельного интеллектуала.

В этой книге основное внимание уделяется писателям и писательницам, литературоведам, историкам, активистам и активисткам, которые осознавали себя представителями национальной культуры, писали и печатались преимущественно на беларусском языке и воспринимали себя глубоко укорененными в беларусской культуре. Хотя советская национальная политика до некоторой степени стимулировала культурное разнообразие[2], в конечном счете она подавляла свободное развитие национальных культур, что не могла принять национальная интеллигенция.

В современной истории Восточной Европы национализм описывается как могучая сила, придавшая советским республикам дополнительный импульс в их борьбе за независимость в годы перестройки и сразу после нее. В то же время по-прежнему недооценивается его роль как критического пункта расхождения между интеллигенцией и властями на протяжении всей советской истории. В связи с этим важно отметить, что первоочередное внимание к национальному и реактуализация связей внутри определенного в терминах этничности сообщества уже

---

[1] Как пишут Т. Бон, Р. Айнакс и М. Абессер в исследованиях последних десятилетий, признание невозможности радикального противопоставления советского «инакомыслия» и «лояльности» стала уже общим местом. См.: *Bohn T. M., Einax R., Abeßer M.* From Stalinist Terror to Collective Constraints. «Homo Soveticus» and the «Soviet People» after Stalin // De-Stalinisation Reconsidered. Persistence and Change in the Soviet Union / Ed. by T. M. Bohn et al. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2014. P. 14.

[2] *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.

к середине 1980-х годов сделали требование национальной самореализации политическим[1].

Аналогично недооцениваются возобновившиеся в послесталинское время попытки интеллектуальных элит советских республик восстановить преемственность с досоветской историей. Для радикально нового общества, которое, как декларировала советская идеология, возникало на этом пространстве, эта преемственность казалась ненужной и даже вредной. Однако усилия историков и литераторов протянуть историю своего народа за пределы, очерченные официальной историографией, даже принуждали последнюю к пересмотру этих границ.

«Слово „самиздат", как и слово „интеллигент", на другие языки надо переводить с русского», — писал видный литературный критик Лев Аннинский, как будто траектория распространения самиздата началась в русском языке и всегда выстраивалась вокруг него[2]. История русских диссидентов и их издательской деятельности, как бы она ни была важна, на долгое время затмила нонконформизм в других советских республиках. Потому в центре данного исследования — «периферийное» диссидентское движение и родившиеся в советской Беларуси нонконформистские идеи, которым историческая наука до сих пор не уделяла достаточно внимания. Хотя неподцензурная беларусская литература сравнительно невелика количественно, она затрагивает множество тем — от экологической и социальной ситуации в БССР до критики советского антисионизма[3].

В этой работе я показываю, что распространение самиздата и диссидентских идей происходило не только односторонне,

---

[1] На примере польского и чехословацкого самиздата историк Грегор Файнд доказывает, что национализм играл первостепенную роль для многих восточно- и центральноевропейских интеллектуалов. Его следует считать не силой, враждебной гражданскому обществу, а одним из возможных путей к последнему. См.: *Feindt G.* Auf der Suche nach politischer Gemeinschaft. Oppositionelles Denken zur Nation im Ostmitteleuropäischem Samizdat 1976–1992. Berlin: De Gruyter, 2015. S. 132–139.

[2] *Аннинский Л.* Светлая тайнопись чумного барака (Введение) // Самиздат века / Ред. А. Стреляный и др. Минск; Москва: Полифакт, 1997. С. 5.

[3] См. таблицы 2, 3 и 4 в Приложении.

от центра к периферии[1]. Я хочу выдвинуть на первый план идею «многонаправленности культурных отношений», сформулированную Михой Перри и Ребеккой Фосс[2]. Я намерена проследовать более сложными маршрутами, которые проложили себе неподцензурные идеи на Востоке и Западе, в центре и на периферии, в прошлом и настоящем, в официальной и нелегальной литературе.

Я уделяю основное внимание альтернативным идеям, циркулировавшим в среде беларусской интеллигенции, и задаюсь вопросом: кому они были адресованы и в каком объеме могли транслироваться? Меня интересует, могли ли они влиять на периферийный и консервативный культурный ландшафт советской Беларуси и если да, то каким образом. Помня, что национальная солидарность была одной из главных опор антикоммунистической оппозиции в Восточной и Центральной Европе, я задаюсь вопросом: как и при каких условиях культурное инакомыслие возникло и развилось среди интеллигенции — в ситуации, когда большинство граждан БССР были лояльны советскому режиму?

Другой принципиальный вопрос, на который я ищу ответ в этой работе, связан с происхождением идей, циркулировавших в самиздате. Были ли диссидентские движения в соседних странах и во всем социалистическом блоке нормативными для беларусского инакомыслия? Или, напротив, оно ориентировалось в первую очередь на критику реалий социалистической Беларуси, русификацию и местные проблемы? В 1970 году видный русский литературный критик и самиздатовский автор Григорий Померанц с горечью отметил: «Борьба с местными нелепостями провинциализировала наш дух»[3]. Было ли влияние

---

[1] О самиздате как сложной сети, включающей читателей, писателей, производителей, коллекционеров, покровителей и институций, см. в: *Zitzewitz J. von.* The Culture of Samizdat. Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union. London: Bloomsbury, 2020; *Wciślik P.* Dissident Legacies of Samizdat Social Media Activism. Unlicensed Print Culture in Poland 1976–1990. Routledge Studies in Modern History. London: Routledge, 2021.

[2] *Perry M. J., Voß R.* Approaching Shared Heroes: Cultural Transfer and Transnational Jewish History // Jewish History. 2016. № 30. P. 4.

[3] *Померанц Г.* Человек ниоткуда // Самиздат века. С. 100. Впервые опубликовано в: Грани. Октябрь 1970. Вып. 77.

этой борьбы еще сильнее на советской периферии, где она сосредотачивалась на «узких» проблемах национального самоопределения и отстранялась от более универсальных вопросов? Каким образом интеллигенция в неподцензурных и официальных публикациях спорила и договаривалась о границах между разрешенным и запрещенным, одобряемым и неодобряемым? И наконец, каким образом интеллигенты (исполняя или не исполняя свою функцию представителей общества или борцов за права непредставленных социальных групп) справлялись с конкретными вызовами письма и мышления внутри социалистической системы?[1]

Фредерике Кинд-Ковач и Джесси Лабов обращают внимание на то, что идеи, сложившиеся в подпольной и нонконформистской литературе, не следует изображать как реликты героической эпохи политической оппозиции и протестных движений[2]. Борьба за собственные культурные и политические права могла оборачиваться невниманием к интересам и правам других групп. Действительно, один из самых проблематичных аспектов демократического и национального движения — его отношение к поощряемым, пусть и не всегда на официальном уровне, антисионизму и антисемитизму.

Чернобыльская катастрофа — еще одна тема, в первые годы перестройки вызвавшая острые дискуссии в среде нонконформистской интеллигенции. Катастрофа произошла в апреле 1986 года, но общество забеспокоилось только с лета 1988-го[3]. Кое-какая информация доходила до населения из государственных или неподцензурных источников, но по большей части реакция была неадекватна масштабу катастрофы. Согласно позднейшим отчетам, семьдесят процентов от общего количества радиоактивных осадков выпали в Беларуси; до тридцати

---

[1] Об идее интеллектуального представительства см.: *Said E. W.* Representations of the Intellectual. The 1993 Reith Lectures. New York: Vintage Books, 1994. P. 3–23.

[2] *Labov J., Kind-Kovács F.* Samizdat and Tamizdat: Entangled Phenomena? // Samizdat, Tamizdat, and Beyond: Transnational Media During and After Socialism / Ed. by J. Labov, F. Kind-Kovács. New York & Oxford: Berghahn Books, 2013. P. 2.

[3] *Dalhouski A.* Die Belorussische Sozialistische Sowjetrepublik nach Tschernobyl. Schriftliche Protest und materieller Kompromiss // Politik und Gesellschaft nach Tschernobyl. (Ost-)Europäische Perspektiven / Hg. M. Arndt. Berlin: Ch. Links Verlag, 2016. S. 213–224.

процентов территории республики были в той или иной степени заражены радиацией. В связи с этим я пишу в этой книге о том, как писатель и профессор филологии Алесь Адамович предпринял одну из редких попыток разрушить эту стену молчания.

Хотя история интеллигенции в советской Беларуси имела свои особенности, в ней проявились и более общие тенденции, характерные для всего СССР и стран «народной демократии». Поэтому, рассказывая историю беларусской нонконформистской интеллигенции в позднесоветскую эпоху, я по возможности рассматриваю ее в более широкой перспективе — например, прослеживаю связи с русской и украинской интеллигенцией и с беларусским эмигрантским сообществом. Было бы трудно вовсе проигнорировать политическую изоляцию (а в БССР ее проявления во многом были еще более сильными), однако следует признать, что маршруты культурного взаимодействия были гораздо более сложны и запутанны. Как показывают последние научные работы о периоде холодной войны, железный занавес не просто разделял мир на две непроницаемые части — он также создавал возможности для неожиданных культурных связей, существовавших поверх этой границы и вопреки ей[1]. Кинд-Ковач и Лабов в своей работе 2013 года предлагают

> интерпретировать систему циркуляции самиздата и тамиздата как нечто большее, нежели простой поток контрабандного материала с Востока на Запад или с Запада на Восток; это была сеть пересылки и распространения, перевода и обратного перевода, усиления и искажения, и наконец, коллекционирования и архивирования…[2]

---

[1] Across the Blocs: Cold War Cultural and Social History / Eds. P. Major, R. Mitter. London: Frank Cass, 2004; *Popa I.* Translation Channels. A Primer on Politicized Literary Transfer // Target. 2006. Vol. 18. № 2. P. 205–228; Perforating the Iron Curtain: European Détente, Transatlantic Relations and the Cold War, 1965–1985 / Ed. by P. Villaume, O. A. Wastad. Copenhagen, 2010; Winter Kept Us Warm: Cold War Interactions Reconsidered / Ed. by S. Autio-Sarasmi, B. Humphreys. Helsinki: Aleksanteri Cold War Series, 2010; *Behrends C. J., Lindenberger T.* Underground Publishing and the Public Sphere: Transnational Perspectives. Wien: Lit, 2014; *Kind-Kovács F.* Written Here, Published There. How Underground Literature Crossed the Iron Curtain. Budapest: CEU Press, 2014.

[2] *Labov J, Kind-Kovács F.* Samizdat and Tamizdat. P. 9.

Я также рассматриваю в книге идеологическую борьбу за лояльность интеллигенции, описанную, помимо прочих, Чеславом Милошем и Надеждой Мандельштам[1]. В конечном счете, история интеллигенции при советском режиме была по большей части историей конформизма. Коммунистическая партия принуждала интеллигенцию служить себе террором, но также склоняла к сотрудничеству перспективами признания и жизненных благ. Насилие, сопровождавшее установление советской власти в национальных республиках в конце 1920-х и 1930-х годах, повторилось, хотя и с несколько меньшей интенсивностью, на новоприсоединенных территориях (включая части Украины и Беларуси) в 1939–1940-м и в послевоенный период. Белорусские интеллектуалы, зачастую происходившие из неполноправных и бедных крестьянских семей, ценили образование и материальные блага, приобретенные ими при советском режиме. Как соотносились между собой нонконформизм и конформизм? Каким образом человек делал шаг наружу из круга конформности? Ведь из множества рассказов и воспоминаний хорошо известно, что нонконформизм редко передавался «по наследству», он требовал пройти долгий путь, полный разочарований и размышлений, падений и взлетов[2].

Белорусская диаспора на Западе, в отличие от украинской и тем более польской и чешской, не играла решающей роли в формировании инакомыслия внутри республики. Хотя статьи и эго-документы эмигрантов и показывают, что в диаспоре существовал устойчивый интерес к событиям в советской Беларуси, благодаря доступности советской периодики в западных библиотеках их знания о ситуации внутри республики были довольно обширными. Важнейшую роль здесь играли Институт изучения СССР (Institut zur Erforschung der UdSSR) в Мюнхене и исследовательский отдел Радио «Свободная Европа» /

---

[1] *Miłosz Cz.* Zniewolony umysł. Paryż: Instytut Literacki, 1953 [на рус.: *Милош Ч.* Порабощенный разум. М.; СПб.: Летний сад, 2011. — *Прим. пер.*]; *Мандельштам Н.* Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 51.

[2] О том, как от искренней увлеченности советским строем переходили к полному несогласию с ним, см.: *Алексеева Л., Голдберг П.* Поколение оттепели. Москва: Захаров, 2006. Из беларусских авторов об этом писал Валентин Тарас (Валянцін Та́рас), см.: *Та́рас В.* На выспе ўспамінаў. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007.

Радио «Свобода» (RFE/RL)[1], где в разные времена работали такие интеллектуалы-эмигранты, как Янка Запрудник (Янка Запруднік), Антон Адамович (Антон Адамовіч), Владимир Глыбинный (Уладзімір Глыбінны), Павел Урбан (Паўла Урбан) и Станислав Станкевич (Станіслаў Станкевіч)[2]. Но все же сравнительно малое число беларусских эмигрантов, политические разногласия внутри их сообщества и слабый интерес Запада к «беларусским вопросам», остававшийся на низком уровне вплоть до подъема политического движения внутри республики в 1988 году, в целом ограничили их возможность влиять на национальное сопротивление в БССР[3].

Было бы ошибкой переоценивать влияние и распространенность инакомыслия и нонконформистских дискурсов. Алексей Юрчак утверждает, что с начала перестройки многие интеллектуалы считали необходимым подчеркивать и даже культивировать мифы о собственном инакомыслии[4]. В новых условиях многие постфактум склонны были преувеличивать свой героизм, смелость и влиятельность своих прежних действий и заявлений[5].

---

[1] «Радио Свобода» включено Минюстом РФ в реестр иностранных агентов, Radio Free Europe / Radio Liberty (RFE/RL) признана нежелательной организацией на территории РФ.

[2] Подробнее см.: *Станкевіч С.* Беларуская падсавецкая літаратура першай палавіны 60-х гадоў. Нью-Ёрк; Мюнхен: БІНіМ, 1967.

[3] О роли международных СМИ в поддержке (и, возможно, до некоторой степени даже в формировании) диссидентских кругов в Москве см.: *Metger J.* Writing the Papers: How Western Correspondents Reported the First Dissident Trials in Moscow, 1965–1972 // Entangled Protest. Transnational Approaches to the History of Dissent in Eastern Europe and the Soviet Union / Ed. R. Brier. Osnabrück: Fibre Verlag, 2013. P. 87–108.

[4] *Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 7 [на рус.: *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. — *Прим. пер.*].

[5] Олег Дернович утверждает, что большинство воспоминаний о советском периоде начали появляться в конце 1990-х, когда для интеллигенции стало очевидным возвращение Беларуси к авторитаризму (Нонканфармізм у Беларусі: 1953–1985 / Ред. А. Дзярновіч. Мінск: Athenaeum, 2004). Говоря о современных интеллектуалах, противостоящих режиму Лукашенко, философ Ольга Шпарага предостерегает от использования общераспространенного термина «диссидент» в беларусских СМИ, так как этот термин задействует модели отношений между интеллектуалами и властями в советском обществе. Подобные анахронистические сравнения на самом деле маргинализуют и принижают

Эта логика сохраняется во многих национальных пантеонах антисоветского сопротивления, в том числе в Беларуси. Кроме того, в связи с тем что сопротивление властям в Беларуси продолжается и сегодня, разновременные истории инакомыслия могут пересекаться или затмевать друг друга.

Особое внимание в книге я уделяю писательскому сообществу и нонконформизму внутри него, что обусловлено особым положением писателя в советском обществе. Благодаря специфической издательской и читательской культуре СССР писатель имел больше доступа к своей аудитории, чем кто-либо еще. Кроме того, в некоторые периоды писатели имели возможность договариваться о границах дозволенного в советской культуре. Также они выступали защитниками «безмолвных», слабо представленных групп населения[1]. С точки зрения беларусского советского писателя реально и метафорически непредставленными, лишенными права голоса были и советские колхозники, и простые (бывшие) участники войны, да и беларусский язык и культура в целом.

Вацлав Гавел определил диссидентов как людей, «склонных к интеллектуальным занятиям» или «пишущих»: это «люди, для которых письменное слово есть главный и зачастую единственный политический инструмент, которым они владеют»[2]. Так же и философская мысль на Западе зачастую ставила знак равенства между интеллектуалами и писателями[3].

Союзом писателей (Саюз пісьменнікаў) БССР, который был основан 1 июня 1934 года, руководили партийные функционеры. Он зависел от политики центральных властей, однако в послесталинский период стал обладать частичной автономией.

критически настроенных интеллектуалов-нонконформистов. См.: *Шпарага О.* К наброску интеллектуальной топографии Беларуси / Ред. А. Усманова // Белорусский формат: невидимая реальность. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 71–86.

[1] В других советских республиках писательское сообщество играло аналогичную роль. См., например, о Литве: *Davoliūte V.* The Sovietization of Lithuania after World War II: Modernization, Transculturation, and the Lettered City // The Journal of Baltic Studies. 2016. Vol. 47. № 1. P. 59.

[2] *Havel V.* The Power of the Powerless // International Journal of Politics. 1985. Vol. 15. № 3–4. P. 57.

[3] См., например: *Sartre J.-P.* What is Literature? London: Methuen and Co. Ltd, 1950. [Пер.: *Сартр Ж.-П.* Что такое литература? М.: АСТ, 2020. — *Прим. пер.*]

Его роль была двойственной[1]. С одной стороны, Союз ограничивал свободу творческой интеллигенции. С другой — гарантировал писателям привилегированное положение в обществе, обладал некоторым моральным авторитетом и стимулировал творческую продуктивность. Еще в 1988 году писатель и критик Владимир Колесник (Уладзімір Калеснік, 1922–1994) указал на эту амбивалентность:

> Мне нравится наша литературная среда, потому что всегда, насколько я помню, в ней была внутренняя свобода, иногда смелость, в худшем случае юмор, чтобы, даже допуская компромиссы, понимать, что это дело паскудное[2].

Союз был местом, где случались острые дискуссии, а его члены иногда проявляли определенную солидарность. Неслучайно негосударственный Союз беларусских писателей (Саюз беларускіх пісьменнікаў) независимой Беларуси считает себя преемником Союза писателей БССР[3].

---

[1] Примером является история с русским писателем Александром Солженицыным. В своем знаменитом письме к IV Всесоюзному съезду Союза писателей от 16 мая 1967 года Солженицын писал, что руководство Союза было «первым среди гонителей» Анны Ахматовой, Андрея Платонова и Василия Гроссмана. За это в 1969 году его исключили из Союза писателей. См.: *Солженицын А.* Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей // Антология самиздата / Ред. В. Игрунов, М. Барбакадзе. http://antology.igrunov.ru/authors/solzh/letter-to-wrighters.html (дата обращения 28 августа 2023). С другой стороны, Солженицын все-таки получил некоторую поддержку от писательского сообщества, хотя она не положила конец его гонениям. См, например: *Владимов Г. В.* Президиум V Всесоюзного съезда советских писателей [26 мая 1967 года] // Антология самиздата. http://antology.igrunov.ru/authors/vladimov/to_presidium.html (дата обращения 28 августа 2023). О солидарности и «международной дружбе» в среде советских писателей см. также в: *Бураўкін Г.* Як многа ў гэтым гуку // Скарыніч. 2011. № 10. С. 122–124.

[2] «Мне падабаецца наша літаратурнае асяроддзе, бо ў ім ва ўсе часы, як я памятаю, хапала ўнутранай свабоды, часам смеласці, на горшы ж канец гумару, каб, дапускаючы кампрамісы, ведаць, што гэта паскудная справа» (*Калеснік У.* Тут можна жыць. Казусы правінцыі // Калеснік У. Усё чалавечае. Літаратурныя партрэты, артыкулы, нарысы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 343).

[3] Гісторыя грамадскага аб'яднання Саюз беларускіх пісьменнікаў. https://litbel.org/history (дата обращения 28 августа 2023). На протяжении тридцати лет с момента провозглашения независимости Беларуси Союз функционировал как добровольная общественная негосударственная организация писателей,